

Ирина Костина

МАЛПОВАЯ СЕТЬ

Книга четвёртая

Ирина Костина

Матовая сеть. Книга четвёртая

«Издательские решения»

Костина И.

Матовая сеть. Книга четвёртая / И. Костина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930260-1

1739 год. Россия истощена турецкой войной, в то время, как ей грозит нападением Швеция; ситуация обостряется убийством шведского майора Синклера русскими офицерами. Анна Иоанновна больна, она торопит свадьбу племянницы и ждёт рождения наследника. Её фаворит Бирон обретает безграничную власть. А приятели-кадеты, окончив Академию, несут воинскую службу в полках. Но их судьбы, по-прежнему, тесно вплетены в события империи и полны приключений. А Василий оказывается участником убийства Синклера.

ISBN 978-5-44-930260-1

© Костина И.
© Издательские решения

Матовая сеть Книга четвёртая

Ирина Костина

© Ирина Костина, 2018

ISBN 978-5-4493-0260-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

автор Ирина Костина

1939 год

граница Польши с Силезией

Солнце ещё не проснулось, и лес, окутанный дремотой, выглядел застывшим, как на полотне художника. Скованный молчанием птиц и отсутствием ветра, даже воздух был неподвижен.

В этом монолитном покое казалось исключительным присутствие человека. И, тем не менее, он был здесь. Прислонившись к стволу старого вяза, Василий пристально всматривался в окрестности, простирающиеся за опушкой. Мягко и беззвучно пересёк поляну, присел, разглядывая примятые волокна травы. Потрогал их ладошкой, огляделся. Нашупал что-

то, подобрал, растёр между пальцами, поднёс к носу. Значительно кивнул сам себе, точно подтверждая некое убеждение.

Аккуратно шагнул на дорогу и, дойдя до развилки, закружил, будто в шаманском танце; то приседая, то отпрыгивая. Собирал в горсть тёплую дорожную пыль, что-то пристально рассматривал. Затем, вытянув шею, втягивал ноздрями воздух, как охотничья собака, берущая след. Несколько раз сбежал на обочину, тщательно шарил в траве, затем возвращался.

Наконец, отряхнул ладони и многозначительно посмотрел вдаль убегающей тропы, что скрывалась далеко за холмом. Потянул носом, навстречу проснувшемуся ветру, и улыбнулся. Удовлетворённый поисками, он тихо вернулся к опушке и растворился в лесной чаще так же беззвучно, как и появился.

После того, как занялась заря, и воздух наполнился птичьим громкоголосьем, из леса на дорогу выполз отряд военных: капитан, поручик, четверо драгун и два почтальона.

Сержант Микуров уверенно указал на дорогу, ведущую влево от развилки:

– Сюда они держат путь.

– Эта дорога ведёт на Бреслау, – сказал капитан.

– Отчего же именно сюда? – усомнился поручик Левицкий, – А не вправо?

– У одной из их лошадей на подкове не хватает гвоздя, – сообщил Микуров, – Это я заметил ещё на дороге под Краковом. А у повозки есть характерная зазубрина на колесе.

– Вот ты следопыт! – Левицкий восхищённо хохотнул и обернулся к капитану, – А?

– Как давно они здесь проследовали? – спросил капитан Кютлер, не поддаваясь на эмоции поручика.

– Сутки, – Василий кивнул в сторону опушки леса, – Я нашёл поляну, где они устраивались на ночлег. Трава уже не выглядит примятой. Костра они не разводили, видимо торопились. Спали недолго. Отправились в путь, скорее всего, вчера на рассвете.

– Это точно?

– Уверен, – кивнул он и, в подтверждение своих слов, добавил, – Один из них курит дешёвый голландский табак. Пепел, что он выбил из трубки, уже однажды намок от росы.

Кютлер уважительно согласился с его доводом и, взяв под козырёк, взглянул на дорогу, исчезающую за холмом:

– Значит, Бреслау... До города приблизительно девять часов пути. Если они проследовали здесь вчера утром, то они уже в городе. А мы, если поспешим, будем там после полудня. Вперёд!

И он первым пришпорил коня. Остальные припустили следом, поднимая пыль.

Силезия, город Бреслау

дом председателя главного суда

В полдень, после двенадцатого удара часов старинной ратуши, когда граф Шафготш, председатель главного суда в городе Бреслау, собирался отобедать, слуга внезапно сообщил ему, что прибыл чиновник со срочным донесением.

Граф досадливо выдернул салфетку и, бросив тоскливый взгляд на соблазнительного жареного рябчика, вышел из столовой в кабинет.

Его ждал человек в синем кафтане и чёрной шляпе, отороченной дешёвым кантом. Таких людей в подчинении Шафготша было несколько десятков; неприметные, неразличимые в толпе, ничем не запоминающиеся, они ежедневно сновали повсюду – подслушивали и подглядывали за горожанами. И незамедлительно в подробностях доносили председателю всё, что хоть немного выбивалось из размеренного жизненного ритма города Бреслау.

– Ваше превосходительство! – метнулся он к графу навстречу и, приблизившись на доверительное расстояние, перешёл на шёпот, – Помните ли Вы Иоганна Бинека, торговца лошадьми, того, что прежде был колёсным подмастерье? В прошлом году его нанял в сопровождение шведский майор, такой носатый; он ещё следовал в Константинополь.

– Ну?

– Сегодня поутру Бинек вернулся в свою прежнюю квартиру на конном рынке в Мюльгофе.

Граф встрепенулся:

– Один?

– С супругой.

– А что же майор?

– Не видел, Ваше превосходительство.

Шафготш в задумчивости потёр мясистый подбородок и кивнул агенту:

– Хорошо. Ступай.

Тот поймал на лету серебряную монету из рук графа и исчез тихо, будто растворился.

Аппетит пропал у председателя. Он несколько раз смерил шагами комнату, напряжённо размышляя над тем, как бы заполучить недостающую информацию? Этот шведский майор, нанявший колёсника в сопровождение по дороге в Константинополь, ещё в прошлый раз вёл себя подозрительно и весьма осторожно. Шафготш готов был поклясться, что он следовал в Порту с секретной миссией от шведского короля – он носом чуял такие вещи. Шесть месяцев прошло. Бинек вернулся. А как же его таинственный спутник? Вернулся ли? И, если вернулся, то с чем? Надо бы потрясти как следует этого Бинека... Но мягко, без нажима, чтоб не спугнуть кого надо. Председателю в голову пришла идея.

– Магистра ко мне! Живо! – крикнул он зычно в коридор, и в ответ на его голос по ступенькам торопливо застучали башмаки преданного слуги.

Спустя полчаса в его кабинете уже сидел член магистрата и преданно внимал его речам.

– Мне стало известно, что нынче утром в город вернулся конный торговец Бинек, следуя маршрутом из Константинополя. Вам известно не хуже моего, что теперь в пределах Венгрии и Польши свирепствует чума. И по строжайшему приказу императора мы не должны допускать в Бреслау приезжих через заражённые территории, без предварительного осмотра и допроса о соблюдении карантина и причинах приезда.

– Так точно, Ваше превосходительство!

– А потому приказываю немедленно арестовать Бинека. Провести ему медицинский осмотр и допросить в подробностях о маршруте следования и соблюдении правил карантина. А так же выяснить, не прибыл ли с ним в город ещё кто? И, если таковые имеются, разузнать кто такие, с какими целями прибыли в Бреслау и где остановились, дабы обследовать их тоже на предмет наличия морового поветрия.

К вечеру того же дня, стараниями магистрата, председатель имел на руках полный донос о том, что колёсник Бинек прибыл из Константинополя через польские пределы. И вместе с ним держали путь шведский майор Гагберх и французский купец из Парижа по фамилии Гутерье. Обоим господам он прислуживал в дороге, за что получил неплохое вознаграждение. Выложил добрый колёсник и тот факт, что слышал частенько, как француз называл шведского майора – Синклер, несмотря на то, что по паспорту тот Гагберх. А так же поведал и о том, что до границ австрийского королевства их сопровождал турецкий эскорт. Прибыв же в Бреслау, вышеупомянутые два путешественника остановились в гостинице «Золотая шпага», той, что

у Николаевских ворот. И промеж себя говорили, что завтра же имеют намерение отправиться далее к польской границе.

Шафготш кожей почувствовал, что дело тут нечисто. Все эти обстоятельства про путешествие под чужим именем и эскорт до границы лишь служили подтверждением председателю о том, что иноземные персоны на деле не так просты, как хотят казаться. Нельзя им дать ускользнуть раньше, чем удастся выяснить их секретную миссию.

И председатель, не теряя ни минуты, настроил письмо канцлеру, чтоб его руками задержать «нарушителей карантина».

гостиница «Золотая шпага»

Спустя пару часов к гостинице «Золотая шпага» подъехала карета канцлера.

– Мне известно, господа, что Вы прибыли из Османской империи. Согласно приказу венского двора, проезжающие через карантинные зоны, обязаны пройти медицинский осмотр. Поэтому прошу Вас предъявить паспорта, сообщить имена и детально цели вашей поездки через владения Силезии.

– По какому праву? – возмутился майор, – Я поданный шведского короля! И никому не обязан давать отчёта о своём поручении!

– Господа, – робко вступил в разговор его приятель француз, – Но при въезде в Бреслау мы останавливались у городских ворот, где уже сообщили свои фамилии и предъявили карантинные свидетельства и паспорта; они выданы шведскими и французскими посланниками в Константинополе.

В ответ канцлер развернул перед строптивцами документ, подписанный председателем графом Шафготшем, где имелось приказание королевского главного суда арестовать иноземных гостей, если они будут уклоняться от более обстоятельного ответа.

Майор был удивлён. Тем не менее, не теряя гордости, заявил:

– Что ж, я не могу воспротивиться подобному распоряжению, так как нахожусь совершенно в Вашей власти. Однако надеюсь, что мне не будет запрещено тотчас отправить своему королю эстафету; так как я уже сказал, что еду по чрезвычайно важному поручению, то Вы легко себе можете представить, с какой ответственностью будет связан мой арест!

И в подтверждение своих слов он показал паспорт, собственноручно подписанный ему королем Швеции, и, как доказательство чрезвычайной важности своего поручения и того, что сам он – лицо не лишённое значения, он предъявил канцлеру еще два запечатанных письма, сказав, что одно из них адресовано французскому, а другое шведскому королю.

Никакого ареста не последовало. Удовлетворив любопытство, канцлер откланялся.

А чуть позже граф Шафготш прислал к иностранцам чиновника с извинениями за всё случившееся, объясняя свой поступок строгим королевским указом. Теперь же, когда ему известны все подробности, то они могут беспрепятственно ехать куда хотят.

В полной уверенности, что инцидент улажен, майор Синклер с французом Гутерье весело отужинали в кабачке при гостинице и, подцепив двух аппетитных девиц, в предвкушении приятного времяпровождения, разошлись по комнатам.

Глубокой ночью, удостоверившись, что майор крепко спит, девица выскользнула из постели и, пробравшись на цыпочках через комнату, отворила дверную задвижку. Внутри тут же бесшумной тенью проник человек в синем кафтане и чёрной шляпе с дешёвым кантом. Быстро обшарив вещи иностранца, он без труда нашёл два тугих конверта.

Усевшись основательно за стол, погрел каждый над свечой, и отогнул подтаявшую сургучовую печать острым лезвием ножа. Затем неторопливо прочёл содержание бумаг. Молча, сложил их обратно по конвертам, капнув горячего воска на края, запечатал. И вернул в сумку

шведского посланника. Исчез так же тихо, как и появился. Девушка собрала оставленные незнакомцем на столешнице две монеты, затворила дверь и, как ни в чём ни бывало, прилегла под бок храпящего майора.

дом председателя главного суда

В то время, как Синклер, опоенный вином со снотворным порошком, беззаботно сопел в пышное плечо трактирной девки, у графа Шафготша была бессонная ночь. Содержание бумаг шведского посланника, пересказанное агентом, принуждало председателя усиленно напрягать ум в намерении правильно распорядиться полученной информацией.

Обстановка в Европе грезилась обернуться войной. И Австрия рассчитывала избежать прямого участия в предстоящих военных событиях и, по возможности, получить некие выгоды. Русские говорят «Лес рубят – щепки летят»; а, если схватятся лес рубить такие могучие державы, как Швеция с Турцией и Россия, то щепки полетят немалые. Тут главное – успеть, отхватить или же увернуться.

А ситуация была вот какой. В последнее время в Швеции стали усиливаться реваншистские настроения – нация жаждала пересмотра Ништадтского мирного договора 1721 года после её поражения в Северной войне с Россией.

Чтобы прокормить собственное население, Швеция теперь вынуждена была покупать зерно у России, а именно в Финляндии и Прибалтике – то есть в землях, что прежде были её собственными провинциями. Шведская аристократия считала это унижительным и требовала сатисфакции.

Однако единства в этом вопросе пока не было. Не прекращающиеся споры в сейме разделили собрание на две партии. Одна называлась «шляпами» и состояла из дворянства, офицеров армии и ряда сенаторов – эта партия требовала войны. Другая партия («партия колпаков»), во главе с королем Фредериком I – желала мира. Они склонялись к убеждению, что новая война один на один с Россией может закончиться для Швеции катастрофой. Если уж воевать, то лишь в коалиции с могущественными союзниками. И лучше дожидаться обстоятельств, которые подорвут военную мощь России.

И обстоятельства как раз сложились к 1739 году нельзя лучше. С 1735 года Россия вела войну с Турцией. И русское войско за четыре года было истощено походами против турок. «Шляпы» стали твердить неустанно, что Швецию ждёт легкая победа, если она развернёт войну против России прямо сейчас! «Колпаки» готовы были уступить, но предлагали настойчиво подстраховаться союзом с другой державой. И этой державой они пожелали видеть Турцию.

Сомнений не было в том, что шведский майор Синклер был направлен в Константинополь именно для этих переговоров. Оттого ему и был выдан паспорт на чужое имя, чтобы сохранить в секрете миссию. Прямым доказательством того, что Синклер выполнил задание, были депеши, содержание которых теперь стало известно австрийскому графу Шафготшу; они состояли из документов о подписании шведско-турецкого военного союза против Российской империи. И даже содержали карту-набросок первоначальных военных действий.

Заполучив такие сведения, председатель неистово теребил подбородок, выстраивая в голове всевозможные комбинации. Тут было, над чем подумать.

Ведь совсем недавно Австрия (вместе с Голландией и Англией) вступила в коалицию против Франции. И Людовик XV, в свою очередь, тоже начал искать союзников; в результате Швеция и Турция оказались в сфере его влияния. Этот французский купчишка с фамилией Гутерье не напрасно сопровождает Синклера; если Франция сейчас поддержит Швецию с Тур-

цией в готовящейся войне против России, это даст гарантии Людовику XV рассчитывать на их поддержку против создавшейся в Европе коалиции.

И тогда Австрия окажется зажатой в кольцо противников сразу с трёх сторон – Францией, Швецией и Турцией. Что сделать? Как поступить? Нельзя допустить этого союза.

Лучший вариант – если бы дипломаты не добрались до места назначения. В самом деле, мало ли что может случиться в дороге с двумя одинокими путешественниками? Устранить обоих вместе с письмами – дело верное. Но рискованное. Можно накликасть на себя беду раньше времени. Вот, если бы, устранить их за пределами Австрии, и чужими руками...

В мучительном поиске выхода граф Шафгошт истерзал подбородок до багрового оттенка. Но кто бы мог подумать, что выход найдётся сам, буквально на следующий день.

Пребывая на званом вечере в доме у кардинала, председатель был вызван из гостевого зала известием, что его ожидает чиновник со срочным донесением.

Один из его многочисленных агентов в синем кафтане и чёрной шляпе, почтительно поклонился и доложил чётко и детально:

– Ваше превосходительство, нынче в город в пять часов пополудни прибыли военные; некий капитан с поручиком. При них четверо драгунов в мундирах и два почтальона. Первым делом они подъехали к зданию главного суда и требовали переговорить с председателем, уверяя, что имеют к Вам весьма важное дело. Но, поскольку Вы, Ваше превосходительство, изволили в это время навещать Вашего сына, графа Карла, то они отправились в гостиницу. Остановились в «Голубом олене». Там переоделись в немецкое платье. И уже вдвоём – капитан с поручиком – нанесли визит в дом Вашего сына. Но Вас опять там не застали. Теперь они взяли извозчика и едут сюда.

Граф Шафгошт пришёл в крайнее изумление:

– Кто они такие?

Агент наклонился ближе:

– Капитан записался в гостинице под именем барон фон-Кютлер, говорит на немецком с северным акцентом. Поручик помалкивает.

– Откуда прибыли?

– Через польскую границу. Это всё, что известно.

– Хорошо. Ступай.

Зажав в ладони монету, агент тихо удалился.

Незванные гости не заставили себя ждать. Не прошло и четверти часа, как председатель вновь был вынужден отлучиться из-за стола, так как его требовали к себе прибывшие два господина по чрезвычайно важному делу.

Заговорил тот, что был постарше и выглядел солиднее:

– Я – капитан барон фон-Кютлер, поданный русского двора Ея Императорского величества. Следую из русского военного лагеря с Украины. Имею открытое предписание императорского резидента ко всем инстанциям: догнать и арестовать шведского майора и французского купца, возвращающихся из Константинополя, с письмами, которые являются первой важностью для вышеупомянутого двора. Если Вашему превосходительству известно что-либо об оных особах, просим оказать возможное содействие и помощь.

Вот оно, провиденье! Председатель едва сдержал обуявший его восторг, пришедший внезапно на смену липкому страху. Русские! Они раскусили тайные планы шведов и решительно настроены воспрепятствовать их военному союзу с турками. «Арестовать шведского майора и французского купца» – ах, как же это созвучно его собственным планам, что он вымучивал всю ночь!

Граф Шафготш вмиг обратился в самую любезность:

– Прошу Вас, господа, пожаловать в мой дом; я непременно сделаю всё возможное, чтобы помочь Вам. Моя карета в вашем распоряжении. Едем незамедлительно.

гостиница «Голубой олень»

Тем временем в гостинице «Голубой олень» драгуны, вытянувшись на кроватях, дремали, пользуясь передышкой в погоне. Не спали двое: почтальон Куропатов чинил перья, а сержант Микуров сидел у окна и задумчиво теребил на груди маленький деревянный крестик на шнурке.

С тех пор, как они выехали из лагеря с Украины, он то и дело возвращался воспоминаниями к неожиданному разговору, состоявшемуся у него с княгиней Трубецкой накануне этой поездки...

– Микуров! Подойди! – окликнул его Миних и по-отечески положил ему ладонь на плечо, – Прижучить шведского шпиона и выудить у него секретные сведения – задание весьма щекотливое. Но запомни: тебя оно не касается! Это Кютлеру с Левицким даны чёткие указания, как действовать при поимке вражеского посланника и что у него искать. Твоя же единственная задача – вывести их на след этого Синклера. Понимаешь, Василий, время мы потеряли! Уйти он мог слишком далеко. К тому же путь его движения нам не известен. Да и движется он под чужим именем. Одним словом, придётся нелегко. И лучше тебя никто не справится.

В этот момент к фельдмаршалу подошла Анна Даниловна и заботливо протянула ему кружку:

– Выпей хоть кофе, Христофор Антонович. Ты сегодня ещё не завтракал.

– Спасибо, – он принял из её рук горячий напиток и кивнул Василию, – Ну, Микуров, ступай. Не подведи. Я на тебя надеюсь.

– Микуров? – неожиданно проявила интерес Анна Даниловна, – Сержант! Это Вы – Микуров?

– Так точно.

– Уж не Василий ли? – лукаво улыбнулась она.

– Он самый.

Она вдруг всплеснула руками:

– Неужели?! Погодите. А доводилось ли Вам бывать в Данциге?

– Так точно. Доводилось.

– Невероятно!

Василий недоумённо переглянулся с фельдмаршалом, не зная, к чему клонит княгиня.

– Сержант. Я желаю с Вами говорить! Сейчас! Немедленно! – неожиданно заявила она.

– Анна Даниловна, голубушка! – возмутился Миних, – Микуров отбывает из лагеря для выполнения очень важного поручения.

– У меня тоже дело большой важности. Не беспокойся, я его долго не задержу, – и она, взглянув на Миниха, укоризненно покачала головой, – Не стой на солнцепёке, Христофор Антонович. Ведь ещё вчера тебя лихорадило.

Фельдмаршал побагровел и плотно сжал губы, но усилием воли воздержался от крепкого слова. И покорно удалился в тень.

– Так вот, значит, какой Вы, Василий Микуров, – Анна Даниловна внимательно рассматривала Василия.

Заметив его смущение, она улыбнулась:

– Не удивляйтесь. Признаться, я и сама удивлена не меньше. У меня есть к Вам разговор.
– Я весь внимание, госпожа Хераскова, – он осёкся, – Прошу прощения, госпожа Трубецкая.

– Можно просто Анна Даниловна, – разрешила княгиня, – Идёмте.

И она настойчиво повела его в свою походную палатку.

– Присаживайтесь, – указала ему на табурет возле стола, – Хотите пить?

– Благодарю. Не откажусь.

– Ну, так налейте себе воды. Позади Вас стоит кувшин, – и окликнула камеристку, – Дуняша! Отыщи-ка в дорожном сундуке шкатулку. И принеси сюда.

Та послушно выполнила просьбу госпожи.

– Ступай! Ты нам будешь мешать, – отослала её княгиня. И сама села напротив Василия, – Прежде, чем мы начнём разговор, скажите, как давно Вы побывали в Данциге? И при каких обстоятельствах?

– В польском походе с фельдмаршалом.

– Вы вошли в город после его взятия?

– Нет. Мне не довелось войти в покорённый Данциг, так как я был срочно направлен в Петербург с известием о капитуляции крепости. Но я был в городе прежде, чем он выбросил белый флаг, – ответил Василий и, предвидя её вопрос, пояснил, – Я провёл в там два месяца, как шпион, выдавая себя за горожанина.

– Значит, Вы ТОТ САМЫЙ Василий Микуров, – убедительно произнесла она. И, подперев изящной рукой подбородок, вновь принялась с интересом рассматривать юношу.

Василий заёрзал:

– Я Вас не понимаю.

– Я сейчас расскажу Вам одну историю. Уверена, она будет Вам интересна.

Микуров покорно приготовился слушать.

– Сколько же прошло времени с тех пор, как мы стояли осадой под Данцигом? Кажется, лет пять, – начала княгиня, – После капитуляции триумфальным шествием армия вошла в город. И около месяца фельдмаршал ещё пребывал там, улаживая все сопутствующие дела по проведению присяги корою Августу, по установлению суммы контрибуции, отправке пленных и многое другое. Я всё это время вынуждена была пребывать с ним. Меня разместили в доме, принадлежавшем коменданту города. Должна заметить, мрачная там было обстановка. Но, так или иначе, нам, как победителям, оказывали почести. О нас заботились: отапливали комнаты ночью, готовили вкусную еду. И, пока Христофор Антонович был занят делами, я весьма сносно проводила время. В доме коменданта мне прислуживала польская девушка. Очень юная. И довольно милая. С печальными зелёными глазами.

Микуров напрягся, уловив что-то знакомое в описываемом образе. Анна Даниловна продолжала:

– Я немного говорю по-польски, и раз уж у меня не было других дел, я часто беседовала с нею. Она была рада нашему общению; больше всего ей нравилось слушать мои рассказы о Петербурге. Ей всё хотелось знать; большой ли это город? Какие в нём дома? Сколько жителей? Она часто просила меня перечислять всех моих знакомых и приятелей, живущих в столице. Очень забавная девочка. Однажды она спросила напрямую, не знаю ли я кого-либо в Петербурге по фамилии Микуров? Я ответила: нет. И заметила, как она огорчилась. После моих долгих уговоров девушка поведала, что в Петербурге проживает некий солдат Василий Микуров, который очень дорог ей. Но, кроме имени, она, к сожалению, ничего про него не знала, так как знакомство с ним было недолгим и внезапно оборвалось после его бегства из Данцига. Бедная девочка так страдала от разлуки с возлюбленным, что её глаза всё время были на мокром месте. Мне было искреннее жаль бедняжку, но ничем помочь я не могла.

Василий слушал её с напряжением, боясь упустить хоть слово.

– Наконец, Христофор Антонович завершил дела в Данциге. И мы стали готовиться к возвращению в Петербург. Накануне нашего отъезда девочка попросила не отказать ей в одной деликатной просьбе. Она вручила мне маленький деревянный крестик, старый, ещё кельтский, и умоляла, если вдруг мне доведётся в Петербурге встретить солдата Василия Микурова, то передать ему эту вещицу. Это было так трогательно! Я пыталась втолковать глупышке, что Петербург очень большой город. И в нём множество полков. А в них – тысячи солдат. Они пребывают в разных гарнизонах. И часто вынуждены воевать далеко за пределами страны. Но всё тщетно. Она так настойчиво упрашивала меня, что я, наконец, решила, что ей, очевидно, так будет спокойней...

Василий не удержался:

– Вы взяли его?!

– Судя по тому, как Вы взволнованы, я заключаю, что эта особа Вам хорошо известна?

– Более чем.

– А как её звали?

– Янина.

– Верно! Именно так её и звали.

– А что с крестиком?

– Ни за что бы, ни поверила, что однажды найду Вас. Ведь это было всё одно, что искать иголку в стогу сена.

– Он сохранился?

– И как это волнительно, что Вы сидите сейчас напротив меня...

– Анна Даниловна! Так Вы сохранили крестик? – не унимался Микуров.

Она укоризненно вздохнула:

– Как Вы, однако, нетерпеливы, – и покачала головой.

– Ради бога!

Она, смакуя удовольствие, откинула крышку шкатулки:

– Эта история любви польской девочки так растрогала меня. Что отныне я вожу его всегда с собой. Он мне стал чем-то вроде доброго талисмана.

И вынула из шкатулки старинный маленький деревянный кельтский крест на кожаном шнурке. У Василия от волнения пересохло во рту. Он с трепетом смотрел на крестик, боясь поверить глазам:

– И я могу его взять?

– Берите. Ведь он предназначался именно для Вас.

Микуров благоговейно взял его и крепко сжал в ладони.

– Благодарю, – пробормотал он внезапно осевшим голосом, – Вы даже не представляете, что Вы сейчас сделали...

Она тихо улыбнулась:

– Ну, почему же «не представляю»? Я тоже когда-то была юной девочкой. И тоже была безумно влюблена.

– Анна Даниловна, Вы – самая добродетельная из всех женщин. Отныне я буду всегда поминать Вас в своих молитвах, – Василий склонил голову в почтительном поклоне.

Она в ответ по-матерински поцеловала его в лоб.

– Эй, Василь, не видать там капитана с поручиком? – пробудился Пылёв, широко зевая.

– Не видать.

– Как думаешь, надолго мы тут? Жрать страшно хочется. Хоть бы поужинать успели. Куропатов, сгоняй на кухню, узнай; может, есть чего? Вот что за дурацкая манера у этих немцев – есть по часам?! По мне так, есть надо тогда, когда голоден.

- Сейчас узнаю, – пообещал Куропатов, и, бросив перья, умчался.
- А, между прочим, господа, за нами следят, – заметил Микуров, оттопырив занавеску.
- Да, ну! Кто?
- Гляди; вон тот, в синем кафтане и чёрной шляпе.
- Который? – Пылёв взглянул на улицу, где было достаточнолюдно.
- Тот, что прячется за фонарный столб.
- Чем он отличен от всех остальных, что шляются мимо гостиницы?
- В том-то и дело, что ничем.
- Так с чего ты решил, что он – агент?
- Дурень ты, Мишка. Настоящий агент ничем и не должен выдать себя из толпы. А этот приехал на извозчике, вслед за нами. Теперь трётся под нашими окнами уже третий час.
- Ну, и глаз у тебя, Микуров! Неужели шведы?! – всполошился Пылёв.
- Вряд ли; скорее, местные. Кто-то держит город под неусыпным строгим надзором. Может, кардинал? Или канцлер? Или председатель суда...
- Есть! Есть ужин! – это вернулся с радостным известием Куропатов, – Подъём, ребята! Налетай!

Ближе к полуночи возвратились в гостиницу Кютлер с поручиком Левицким. Переоделись вновь в военные мундиры, подняли с постели драгунов. Левицкий уважительно хлопнул по плечу Василия:

– Молодец, Микуров; верно указал, что след с дороги ведёт на Бреслау. Тут они были, голубчики! В три часа пополудни выехали на почтовых к северной польской границе.

– Выходит, восемь часов уже в пути, – тут же прикинул Микуров, – Если без отдыха на ночлег, завтра к вечеру в Грюнберг придут. Там до границы – рукой подать.

– Не успеют. Председатель здешнего суда нам лучших лошадей выделил и сопроводительное письмо, чтоб на всех почтовых станциях нам немедля предоставляли свежих лошадей и всё необходимое, что попросим. Так что, собирайтесь живо; выезжаем!

– Значит, председатель суда? – задумчиво пробормотал себе под нос Микуров, – Странное дело, отчего так душевно о нас хлопочет? Видать, свою выгоду в том имеет.

Нейштедель

На следующий день в четыре часа пополудни русские прибыли в городок Нейштедель. И у местного почтмейстера вывели, что шведский майор и французский купец два часа назад были здесь, сменили лошадей и, отказавшись от отдыха, выехали на дорогу, ведущую на Грюнберг.

Письмо, подписанное председателем и почт-директором в Бреслау, оказало на местного почтмейстера должное воздействие; тот незамедлительно выдал русским офицерам свежих лошадей и в придачу дал в сопровождение двух почтальонов. Приказал им, в случае если они не догонят вышеупомянутых путешественников до Грюнберга, сопровождать господ офицеров и драгун до границы и исполнять все их приказания.

Синклера и Гутерье они завидели, не доезжая полверсты до Грюнберга. Быстро оценили обстановку: почтовая повозка с пассажирами и багажом и конный почтальон.

– Ваше благородие, – обратился сержант Микуров к Левицкому, – Дозвольте, нам с Пылёвым через лес выехать им наперерез и взять почтальона, чтоб наверняка не сбежал. А Вы с капитаном и драгунами их на коляске возьмёте.

– Дело говоришь, – согласился поручик, – Действуйте!

Появление на дороге вооружённых офицеров, настроенных агрессивно, было для дипломатов полной неожиданностью. Не успели они возмутиться тем фактом, что их почтальона грубо стащили с лошади на землю, как в них самих упёрлись дула пистолетов. И Кютлер на французском, а затем на немецком чётко высказал им следующую фразу:

– Вы арестованы, господа, именем Ея императорского величества государыни-императрицы всероссийской Анны Иоанновны. Вы имеете право сдать или умереть!

Под напором силы Синклер и Гутерье были вынуждены сдать оружие и подчиниться.

Капитан приказал вытащить из коляски багаж, взломал замок на дорожном сундуке и принялся шарить в вещах.

– Что Вы ищите, сударь? – заносчиво осведомился шведский майор, стараясь сохранять присутствие духа, – Я мог бы оказать Вам помощь, если бы Вы спросили...

– Обойдусь!

Кютлер, вытряхнув содержимое сундука на дорогу, вскрыл ножом дно и вынул на свет божий оба конверта. Бесцеремонно сорвал печати и углубился в чтение.

Синклер заметно сник, понимая, что провалил задание.

Удостоверившись в том, что нашёл достаточно доказательств, капитан Кютлер велел вознице разворачивать коляску с арестантами и двигаться на запад к саксонской границе. Драгуны выстроились конвоем, взяв повозку в кольцо. И процессия тронулась в путь.

Саксония

– Куда вы нас везёте? – не выдержал Синклер.

– Вы не в том положении, сударь, чтоб задавать вопросы, – холодно отрезал Кютлер.

Но майор, видимо, уже переборол страх поражения, и теперь его обуяла бравада:

– Но, если мы арестованы, как Вы изволили сообщить, именем Российской императрицы, то почему Вы не везёте нас в Россию? Почему мы движемся в обратную сторону? Я требую, чтобы меня доставили в Петербург, где я смогу подать жалобу в шведское посольство.

Кютлер дал знак извозчику остановиться. И приблизившись к коляске, точно коршун навис над арестованным майором:

– Я бы советовал Вам помолиться, сударь.

– Вы, что же, угрожаете мне смертельной расправой?

– Да, если Вы не сообщите мне подробностей переговоров с Портой.

– Каких именно подробностей Вы ещё желаете? – раздражался Синклер. Жаркое июньское солнце припекло ему голову, и он был крайне раздосадован на себя и на кичливого капитана, что обращается с ним столь высокомерно, будто с низшим по званию.

– Когда именно ваше командование планирует начать военные действия против России? В каких местах вы намерены пересечь границы? Меня интересуют любые мелочи, как то – даты, числа, направления.

Майор побагровел:

– Вы получили достаточные сведения; они содержатся в тех бумагах, что Вы варварски отняли у меня! Более мне неизвестно ничего. И ничего я говорить Вам не намерен. Здесь, на дороге. Ни слова! Я буду говорить в присутствии шведского посла. Про ваши разбойничьи действия. И грубое обращение с иноземными поданными на чужой территории! Я буду писать прошение в Королевский высший суд! Я этого Вам не спущу!

Капитан, молча, подал знак поручику Левицкому. Тот двумя руками подхватил майора за плечи и бесцеремонно выволок из коляски. Угрожая пистолетом, подтолкнул его с дороги на обочину в лес.

– Что Вы себе позволяете?! – кричал Синклер, вынужденно перебирая ногами.

– Куда Вы его ведёте? – испуганно зароптал француз, ерзая в повозке.

Но его вопросы остались без внимания.

– Ступайте сударь! Ступайте! – Левицкий, не опуская пистолета, заставлял шведского майора идти вперёд в высокую траву.

Тот в недоумении, подчинился и шагал, спотыкаясь и оглядываясь. При этом не переставал сыпать возмущениями и обещаниями кары за их произвол. Поручик точно не слышал его угроз, равнодушно подгонял идти живее. Вскоре они скрылись из вида в неглубоком овражке. Голоса их стали тише и, наконец, смолки совсем.

На несколько минут воцарилась безмятежное спокойствие. Лошади тихо прядали ушами, отгоняя мух. Летний воздух наполняли запахи цветущих трав, в которых надрывно стрекотали кузнечики.

На какое-то время Микурову показалось, что он у себя дома, в родовом имении под Москвой. Жуя длинную травинку, он прикрыл глаза изнурённый долгой дорогой, и, внимая запахам и звукам, вдруг отчётливо представил, как скачет по цветастому лугу верхом на любимом коне по кличке Ворон. А матушка, выйдя на крыльцо, машет ему синей косынкой – зовёт к обеду...

Прогремевший неожиданно выстрел содрогнул тишину. Стая испуганных птиц взметнулась над лесом и тревожным гомоном заполнила воздух.

Французский купец переполошился и вопросительно уставился на Кютлера:

– Что это? – пробормотал он полушёпотом.

Но капитан вновь оставил его вопрос без ответа.

– Что... Что вы сделали? – продолжал он с нарастающей паникой, – Вы его убили?! Не может быть... Вы убили его?!... А я? Как же я? ... Что будет со мной? Вы меня тоже убьёте?

– Да! Если Вы сию минуту не заткнётесь! – пообещал Кютлер, не оборачиваясь.

Тот побледнел, точно извести, и бухнулся из коляски в пыль, к ногам капитана, беспрестанно повторяя:

– Сударь! Прошу, не убивайте меня. Я всего лишь купец. Я ничего не знаю. И ничего никому не скажу. Я даже не знаком с этим господином; мы только попутчики... Не убивайте! Умоляю!...

Кютлер сперва презрительно игнорировал француза. Затем пригрозил пистолетом и грубым окриком загнал его назад в коляску. Тот в ужасе затих.

Левицкий вскоре вернулся один. Вскочил на коня, кивнул капитану, условно подтверждая, что всё кончено.

Француз Гутерье затолкал в рот кулак и тихо заскулил, как побитая собака, в предчувствие расправы. Но русские солдаты, словно не замечали его.

– Как называется эта река? – спросил Кютлер почтальона, указывая на журчащий в траве ручей.

– Бобра, Ваше благородие.

– Это нынче Саксонские владения?

– Так точно.

– А город, что виднеется впереди?

– Христианштадт, Ваше благородие.

Капитан жестом главнокомандующего армией махнул рукой в его направлении:

– Едем туда.

Саксония, Польша

В Христианштадте они не задержались, и направились дальше в Сорау.

Там, из гостиницы, капитан Кютлер отправил почтальона в Бреслау с посланием графу Шафготшу, в котором благодарил председателя за оказанное содействие. Сообщал о своей счастливой находке, присовокупив, что обстоятельства вынудили его к некоторой крайности, о которой он сожалеет, но не может сказать ничего подробнее; долг призывает его как можно скорее спешить со своей добычей обратно.

Далее пересекли польские границы. И, двигаясь без отдыха всю ночь. К полудню следующего дня остановились в деревушке возле крепости Мариенбург.

Определившись на постой, солдаты наведались в местный кабачок. Там отобедав и хорошенько выпив, Микуров, оставшись за столом наедине с Левицким, осторожно осведомился:

– Скажи, далеко ли отсюда до Данцига?

– Верст пятьдесят, не меньше.

Василий мысленно прикинул, что в целом часа за три он мог бы преодолеть это расстояние туда и обратно. И почувствовал, как в груди тоскливо и в тоже время радостно защемило.

– Чего кручинишься, брат? Задание выполнено. Бумаги при нас, – весело хлопнул его по плечу поручик, – Едем домой!

– Зачем капитан приказал убить шведского майора?

– Это не он. Ещё в лагере я получил приказ фельдмаршала.

– Не может быть, – поразился Василий.

Левицкий, который уже перебрал вина, бравурно фыркнул:

– Погоди-ка...

И, взяв со стола нож, распорол шов на обшлагае мундира. Извлёк оттуда листок, тайком сунул его сержанту:

– Читай!

Василий с любопытством прочёл бумагу, где фельдмаршал собственноручно написал инструкцию о том, как им следует искать случая, чтобы с майором Синклером «компанию свести» и в скрытном месте, без посторонних лиц «стараться его умертвить или в воде утопить, а письма прежде без остатка отобрать».

Конечно же, верхом глупости Миниха было не только составить такую инструкцию письменно, ещё и поставить на ней свою подпись.

– Зачем ты держишь при себе такой опасный документ? – спросил он Левицкого, – Почему не сжёг? Если он попадёт в чьи-то руки... Это плаха, в лучшем случае – ссылка!

– Не скажи, брат. Кто знает? Может, это мой шанс на спасение, – пробормотал поручик, пряча бумагу обратно в тайник мундира.

– Его нужно было похоронить.

– Кого?

– Синклера.

– Что за сантименты, сержант!

– Не сегодня, завтра какой-нибудь местный пастух обнаружит тело; поднимется шумиха.

– Мы будем уже далеко отсюда.

– А этот купец-француз; какова его участь?

– Не знаю; относительно его у меня нет никаких распоряжений. Он – мелкая сошка.

– Он опасен.

– Чем?

– Он всё видел.

Поручик задумчиво почесал затылок:

– Это верно. По-хорошему, шлёпнуть бы и его тихонько. Но мы с тобой младшие по званию, и это не наше дело. Пусть Кютлер решает.

- И всё же мы – преступники, – не унимался Микуров, – Убийцы. Левицкий, изрядно захмелевший, уронил ему руку на плечо:
- Это – война, Микуров. А на войне, как известно, убийц нет; есть победители и побеждённые. Сегодня мы – победители, и празднуем победу.
- А что будет завтра?
- А завтра..., – пьяные глаза поручика вдруг озарились блеском, – Завтра, Василь, мы едем в Петербург!
- С утра?
- Как выспимся.
- Слушай..., – Микуров дружески обнял Левицкого за плечо, – Отпусти меня на несколько часов.
- Куда?
- Дело у меня тут есть.
- Да ты что? Капитан тебя хватится – мне не сдобровать.
- Да ведь он пьян и спит уже. И судя по всему, проспит до утра. Отпусти. Я спозаранку буду на месте, как штык. Ты же меня знаешь.
- А что за дело?
- Личное.
- Зазноба, что ли?
- Ну, да. да.
- Поручик лукаво погрозил ему пальцем:
- А ты, брат, не промах, оказывается! И когда всё успеваешь? Ладно. Так и быть. Ступай. Но, чтоб ещё до рассвета был в гостинице. И ни в одном глазу!
- Так точно!

Польша Данциг

Микуров проскакал в седле пару с лишним часов, прежде чем увидел знакомые башенки за высокими стенами Данцига. Сердце заколотилось при виде ставших ему некогда дорогими мест.

На въезде в ворота города, привратники предосудительно оглядели его русский мундир. И осведомились, с какой, мол, целью солдат пожаловал?

- Едзени обок, – ответил он, – Че отпосзак и зьес.
- Они, заслышав польскую речь, радостно переглянулись:
- Так ты поляк?
- Так.
- Что ж, изволь. Проезжай. Отужинай, – гостеприимно пропустили они его, – Если хочешь отведать славного пива и горячих колбасок, езжай в кабачок пана Стахевича.
- А знаете ли вы, братцы, пана Кшиштофа. Он прежде был здешним хорунжем.
- Как не знать. Конечно, знаем.
- Хочу повидать его старшую дочку.
- Янинку?
- Да.
- Тогда тебе, пан, сам бог велел ехать в кабачок пана Стахевича. Потому как Янина его жена.

У Василия наступило лёгкое помутнение в голове. Жена?!... Вот так новости!... Стоило ли так спешить ему нынче? Пожалуй, лучше сразу повернуть назад.

Но привратники не замечали его потрясения и охотно напутствовали, как добраться до кабачка пана Стахевица с весёлым названием «Кабан». И даже настойчиво проводили до улицы, откуда с их слов ему «уже будет с пути не сбиться».

Заведение с вывеской «Кабан», по всему видать, пользовалось в городе доброй репутацией, так как народу в нём было ни мало. Микуров, окинув придирчивым взглядом всё помещение, заметил в дальнем углу освободившийся стол и уверенно обосновался за ним.

Публика в кабачке собралась шумная и весёлая. Пили пиво, закусывали. Громко разговаривали и хохотали. Пара молоденьких девушек в белоснежных расшитых блузках и голубых юбках с широким подолом шустро сновали между посетителями, разнося большие глиняные кружки с напитками и тарелки, от которых так и веяло самыми соблазнительными ароматами. И тут Василий увидел ЕЁ. Она почти не изменилась, только похорошела. Золотисто-русые волосы были заплетены в две косы и уложены на затылке. Зелёные глаза светились живым огоньком. Она, стоя у бочек с пивом, бойко отдавала распоряжения девицам. Перебрасывалась острыми словечками с посетителями. А руки её, тем временем, быстро откручивали и закручивали краны на бочках, наливая пиво в кружки.

Затем, отряхнув руки от пены, Янина прошла за деревянную стойку и принялась что-то записывать, царапая мелом по грифельной доске.

Одна из девиц, наконец, подошла к Микурову, и кокетливо прикусив краешек губы, осведомилась:

– Чего желает пан?

Василий положил на столешницу две монеты:

– Пива. И попроси, чтоб хозяйка сама принесла.

Девица искоса поглядела на чужака. И, оправив фартук, направилась к хозяйке. Нашептала той что-то на ухо, указывая пальцем в угол, где расположился странный посетитель. Янина не усмотрела в его просьбе ничего зазорного; ей часто приходилось самой обслуживать посетителей, когда в кабачок навевывалось сразу слишком большое количество гостей.

Поэтому она, ничего не подозревая, наполнила большую кружку свежим холодным пивом и пошла к дальнему столику.

– Прошу, пан. Ваше пиво. Только что пожарили свиные колбаски. Не желаете отведать...

И неожиданно осеклась, разглядев гостя. У неё невольно подогнулись колени, и она тихо присела напротив Василия:

– Матка боска... Или я сплю?... Или... что это?

– Здравствуй, Янина.

– Здравствуй, мой ясный пан Василий Микуров. Глазам не верю... Ты ли это?

– Я, – удручённо кивнул он, – Так изменился?

– Нет. Разве что ещё лучше стал.

– И я на тебя люблю; такая ты стала красавица. Хозяйка кабачка, – он обвёл глазами помещение, – Славное местечко. По всему видать – прибыльное. Твоё, значит?

– Наше, – тихо поправила Янина, – Супруга.

– Замуж вышла?

– Так.

– Любишь его, мужа-то?

Она отвела взгляд:

– Он хороший человек. Мы ладно с ним живём.

– Значит, всё у тебя хорошо?

– Да. Хорошо. А у тебя как?

– А я вот всё воюю, – коротко сообщил Василий, – И детки у вас есть?

– Есть. Сынок. Два годика. Я его Вацлавом назвала, – и будто в оправдание тут же добавила, – Муж не возражал; хорошее имя – Вацлав. Красивое.

– Да. Хорошее... Когда-то я назвался этим именем, чтобы попасть в Данциг, – тихо вздохнул Микуров и расстегнул на мундире верхние пуговицы, чувствуя накопившуюся тяжесть в груди. Нашупал деревянный крестик. Зажал в руке, снял шнурок через голову и положил на стол перед Яниной:

– Что ж, тогда забери назад. Ни к чему уже это.

Она, увидев свой крестик, прижала ладони ко рту, подавляя невольный вскрик. Василий увидел, как глаза её мигмом наполнились слезами:

– Не может быть... Она нашла тебя, та красивая важная дама...

– Да.

– А я верила. Я знала, что найдёт! – слёзы покатались по её лицу, – Я каждую ночь молилась и чувствовала, что он будет у тебя. Должен быть...

– Зачем? – угрюмо буркнул Василий.

– Это бабушкин крестик, – пояснила Янина, – Я ещё маленькой была, когда она умерла. А перед смертью дала мне его и сказала: «Янинка, отдашь тому, кого полюбишь».

Она взяла крестик и вложила в ладонь Василию, переплетя его пальцы со своими:

– Тогда, пять лет назад, когда тебя пан комендант привёл к нам на кухню, я сразу, как увидела тебя... так у меня внутри будто перевернулось что. Только я сперва тебя побаивалась. Ты странный был, не такой как наши мальчишки. Руку мне на лестнице подавал. Рассуждал не по-нашему. Одним словом, не похож ты был на мукомола.

– Да, да, обдирную муку от сеянной не отличал, – покачал головой Василий.

– Помнишь, да? – обрадовалась она, – А как мы за дровами ходили? На стену лазали?

– Ещё бы! Как такое забыть?

– А помнишь, как я ревновала тебя? – она вдруг покраснела, – Я ведь и вправду решила, что ты по ночам на свиданки ходишь. Мне тогда ещё и в голову не пришло, что ты на стену бегаешь. Ох, и мучилась же я от ревности! Дурёха. Верно?

– Верно. Всё хотел у тебя спросить, как ты узнала тогда, что меня на стене схватили?

– Нечаянно подслушала под дверью пана коменданта. Я за тебя так испугалась! – она прижала ладони к щекам, – Даже кофейник на себя опрокинула... Не помню, как до стены добежала, чего караульным наплела. Ключи у дядьки Януша стащила... Точно в помешательстве была.

– Отчего?

– Да ведь пан комендант тебя убить приказал! А я подумала, если тебя убьют, то я со стены сброшусь...

– Глупая ты моя, – ласково сказал Микуров. Сердце его так и щемило от её рассказа.

– А теперь, как я всё это вспоминаю, мне делается и больно, и радостно. А бабушкин крестик я хотела тебе ещё в крепости отдать, когда прощались. Но испугалась... Решила, что ты посмеёшься надо мной...

Он зажал её руку между своих ладоней:

– А ведь я с тех пор, каждый день думал о тебе.

– Правда? – встрепенулась она.

– Места себе не находил. Письмо хотел написать... Да так слов и не нашёл...

Оба умолкли и пристально смотрели друг другу в глаза. Наконец, Янина вытерла с лица слёзы и произнесла:

– Ты крестик себе оставь. Я хочу, чтоб он у тебя был. Любовь ведь не передаришь. Она только одна на всю жизнь бывает.

Он в отчаянии покачал головой:

– Ох, Янинка. Что же ты со мной делаешь? И зачем ты, дурёха, замуж пошла?

– А кто бы меня спрашивал? Время пришло, тятко сосватал. Свадьбу сыграли.
– Мне-то теперь что делать?
– Воротишься в Петербург. Найдёшь хорошую девушку. Женишься.
Василий убрал крестик в карман кафтана, надел шляпу:
– Пора мне. Надо ехать. Прощай, душа моя. Не поминай лихом.
Он поднялся из-за стола и вышел прочь. На столе осталась не тронутая кружка пива.

Микуров уже отвязывал коня, когда увидел, что Янина спешит к нему через двор.
– Вот, возьми, – протянула она холщёвый узелок, из которого ароматно пахло хлебом и жареными колбасками, – Путь, видать, у тебя не близкий.

Василий, не в силах справиться с собой, крепко обхватил её и поцеловал. Она в ответ прижалась к нему всем телом, и он как когда-то, вновь ощутил грудь её взволнованный стук сердца.

*Санкт-Петербург
императорский дворец*

Императрица Анна Иоанновна пробудилась в восемь утра, раскинула в стороны руки и широко зевнула. В ответ на её пробуждение из всех углов спальни стало возникать ответное движение; пробуждались её шуты и шутихи, которые ночевали в покоях государыни. Их при дворе был целый штат, чтобы постоянно веселить царицу: днём они были обязаны дурачиться и кривляться, а те, кто пользовался особым расположением, оставались в опочивальне на ночь – рассказывать сказки и чесать царице пятки под одеялом, чтоб та скорее засыпала.

Первой встрепенулась карлица-калмычка Буженинова, которая, как верная собачонка, всегда спала возле государевой постели. Вскочив, она, переваливаясь на коротких кривых ногах, побежала по покоям, толкая остальных шутов и карликов, сообщая:

– Матушка-государыня проснулись!... Матушка-государыня проснулись!

Оббежав всех, карлица вернулась к постели Анны Иоанновны и замерла, преданно глядя на царицу; её лицо можно было сравнить с забавной щенячьей мордашкой.

Анна села, спустив с кровати ноги; верная карлица тут же натянула ей мягкие тапочки.

Пробудившись ото сна, карлики затеяли потасовку, делая вид, что не поделили подушки. Царица для смеха запустила в них одной из своих подушек и весело захохотала, увидев, как её меткий бросок одного из особо задиристых карликов повалил с ног.

Вдоль стены стояли широкие низкие корзины, устланные соломой, в них лежали яйца. Любимые шуты государыни Балакирев, да Коста и Педрилло тут же уселись задами в эти корзины и принялись на все голоса кудахтать, изображая кур, высиживающих яйца. Педрилло же, время от времени зычно кукарекал по-петушиному, чем чрезвычайно смешил царицу.

– Гляди-ка! – сквозь смех проговорила Анна, тыкая в бок Буженинову, – Этот, видать, никак не может определиться – петух он или курица?

– Петух или курица! Петух или курица! – повторяя, закивала калмычка, подавая государыне шёлковый халат.

Та подтянула под большой грудь пояс и тяжёлой поступью двинулась к туалетному столу. Там уже стояла для неё чашечка горячего кофе. Анна Иоанновна сделала два глотка и остановила взгляд, устремлённый в зеркало. Потёрла ладошкой красный след на щеке, оставшийся от подушки. И недовольно отметила, что вот уже которое утро подряд она наблюдает под глазами тёмные круги.

Анна никогда не слыла красавицей; исполинский рост, крупное телосложение и грубоватые черты лица. Единственное, чем она могла гордиться – густая чёрная коса ниже пояса, в которой к сорока шести годам не было ни одного седого волоска.

Сегодняшнее утро было ничем не примечательно. Анна Иоанновна умылась, допила кофе и велела принести ей ларцы с украшениями. Всякий раз, прежде, чем одеться, она любила разглядывать и перебирать камни, серьги, кольца, которых у неё было в избытке! Натерпевшись двадцать лет бедственного существования в Курляндии, она теперь компенсировала своё прежнее ущербное положение неслыханной роскошью.

Каждое её платье вызывающе «кричало» о богатстве и расточительности, украшенное таким количеством драгоценных камней, что порою, сама обладательница этого наряда едва могла передвигать в нём ноги.

Выбрав для сегодняшнего облачения серьги, ожерелье и кольца, Анна повела бровью и вдруг сердито крикнула куда-то в пустоту:

– Эй! Девки! Чего молчите?!... Пойте!

В ту же минуту из соседней комнаты затянулась русская песня, плавная и протяжная. В детстве, когда они жили в Измайлово, матушка всегда заставлял петь крепостных девок, которые в комнате по соседству занимались рукоделием.

Переняв эту традицию, Анна Иоанновна заставляла петь своих... фрейлин. Для этого девицы знатных дворянских фамилий были принуждены собираться каждое утро к семи часам в комнату рядом с опочивальней государыни. Приходить следовало при полном параде, на случай, если императрица вдруг захочет кого-нибудь из них позвать к себе. Надлежало сидеть тихо и молча, чтобы, заслышав команду «Пойте!», немедленно вступить с песней. Репертуар был расписан на много песен вперёд; закончив одну, тут же надо было начинать другую. И ни в коем случае не умолкать, пока императрица сама не даст такой команды. Были случаи, что девушки пели по несколько часов кряду, без еды и отдыха, и падали в обморок.

Если государыня покидала дворец и ехала в иную резиденцию, компания фрейлин обязана была следовать за нею.

Анна Иоанновна поманила рукой калмычку Буженинову:

– Позови-ка мне Наташку Лопухину!

Та быстро заковыляла маленькими косолапыми ногами в комнату к фрейлинам. И тут же вернулась в сопровождении статс-дамы Лопухиной; как всегда красивой и изысканно одетой. Наталья Фёдоровна поклонилась:

– Доброго утра, Ваше императорское величество.

– Пойди сюда, – велела Анна, протягивая ей гребень.

Это означало, что она оказывает честь Лопухиной причесать себя и соорудить причёску. Наталья Фёдоровна встала позади кресла и принялась ловко орудовать гребнем. Волосы Анны Иоанновны были густые и длинные. И частенько, доверившись какой-нибудь фрейлине, она вскрикивала от боли и нещадно лупила по рукам неаккуратную девку, прогоняя прочь. Но Лопухина была мастерицей. Она умела аккуратно расчёсать волосы и сделать замысловатую модную причёску, при этом ещё тихонечко стрекотала над ухом, рассказывая городские сплетни или же уморительные истории. За что и была любима императрицей и вхожа в её ближайший круг.

Пока Наталья колдовала с её волосами и болтала, Анна Иоанновна смотрела на отражение в зеркале и невольно сравнивала себя с Лопухиной. Ведь Наталья младше её всего на шесть лет (ей нынче стукнет сорок), а она, чертовка, хороша и свежа как молодка! Кожа у неё гладкая, бархатная. Волос золотой, глаза живые синие, а брови – чёрные дугой. Наряды у неё всегда по последней моде, и сидят, как влитые. Недаром, плутовка, при живом-то муже и восьмерых детях, ещё ухитряется любовь крутить с Левенвольдом. Все про это знают, а ей – хоть бы что!

– Брови мне нарисуй, – попросила Анна, – Чтоб, как у тебя были!

Закончив работу, поправляя локон на плече императрицы, Наталья Фёдоровна томно вздохнула:

– Ах, Ваше величество! Какая красота!

Анна Иоанновна, посмотрев в зеркало, осталась довольна. В ответ Лопухина, складывая в шкатулку булавки и шпильки, как бы невзначай, заметила:

– Ваше величество, я за супруга своего Степана Васильевича просить Вас хочу. Он ведь по морскому делу у меня. Медали и отличия имеет. А всё при дворе, да при дворе. Может, найдётся в адмиралтейской коллегии какое хорошее местечко? Он бы себя проявил на благо и величие империи. Отплатил бы усердием и трудом, а того паче глубокой преданностью Вашему императорскому величеству.

Анна Иоанновна надменно повела нарисованной широкой бровью. Ну, Наташка! Пройдоха, хитрая лиса! Наверняка вчера с Левенвольдом кувыркалась; выведала, что какая-нибудь должность в адмиралтействе освободилась, вот и торопится уже за супруга похлопотать. А вслух произнесла:

– Подумать надо. Ты покудова прошение в Сенат напиши. Герцог Курляндский его рассмотрит на досуге.

– Спасибо, Ваше императорское величество, – низко поклонилась Наталья Фёдоровна, – Век не забуду Вашей доброты. Ежедневно бога молю за ваше благополучие.

– Моли, моли, – согласилась Анна и махнула рукой, – Ну, полно. Ступай.

Лопухина вышла от государыни и, покачивая фижмами, гордо прошествовала мимо столпившихся возле входа в покои сановников с бумагами на подпись императрице. Все они, как один, проводили её пристальными взглядами. Кому-то из них она лукаво подмигнула, сверкнув чёрной мушкой в виде кораблика, приклеенной к щеке. Кому-то подарила благосклонную улыбку ровных, жемчужно-белых зубов.

Наталья Фёдоровна по-прежнему слыла при дворе первой красавицей и законодательницей мод. К её услугам были дома лучших портних и шляпниц города. И при дворе никто не мог превзойти её по мастерству соблазна: куда приклеить мушку, как держать веер, куда приколоть цветок, чтоб без слов дать кавалеру понять о своих желаниях на сегодняшний вечер и даже обозначить время и место тайного свидания.

Сейчас, проходя мимо Левенвольда, Наталья кокетливым жестом погладила пальчиком рубиновую брошь на лифе платья. И вышла в коридор. Левенвольд с полувзгляда понял этот намёк, и тут же устремился за нею следом. Он нашёл её за колонной, огляделся и приблизился, взяв за руку.

Заслонив себя и его широким веером от случайных глаз, Наталья Фёдоровна прошептала:

– Государыня разрешила написать прошение курляндцу, – и тут же извлекла из корсажа свёрнутое трубочкой письмо, – Держи.

Тот перехватил письмо и мгновенно спрятал его за широкой манжетой:

– Постараюсь сегодня же отдать. Но не обещаю, что вопрос решится быстро. Сама знаешь, Бирон не любит облагодетельствовать тех, от кого ему нет собственной выгоды.

– Я потерплю, – смиренно согласилась Наталья, – Хоть и прискучило слушать его каждодневные стенания. Когда пристраивала его к камергерскому ключу, думала – выхлопотала тёплое местечко. А ему, видишь ли, зазорно в спальниках ходить. Ему адмиралтейскую коллегию подавай!

– Присутствие в коллегии не обещаю, – покачал головой Левенвольд, – Хотя бы должность кригскомиссара.

– Пусть хоть кригскомиссара, – Лопухина привстала на цыпочки и сладко поцеловала его в щёку.

Рейнгольд в порыве страсти, обхватил её за талию и прижал к себе:

– Придёшь сегодня? – пылко прошептал на ухо.

– Не знаю. Пришлю записку.

И она нехотя высвободилась из его объятий. Левенвольд послал ей воздушный поцелуй и вернулся в зал – дожидаться приёма императрицы.

Анна Иоанновна, проводив Наталью, уселась за стол, оправила рукава и дала приказ – впускать просителей.

Первым в покои вошёл Артемий Петрович Волинский. За последние три года он сделал головокружительную карьеру при дворе. После смерти Ягужинского Бирон взялся подыскивать новую кандидатуру на освободившийся пост кабинет-министра. И Миних посоветовал ему обратить внимание на Волинского; с его точки зрения, тот геройски проявил себя при осаде Данцига, был умён и честолюбив, обладал такой же неуёмной кипучей жаждой деятельности, как и сам Миних, чем и приглянулся фельдмаршалу.

Бирон тоже знал Волинского с выгодной стороны; с 1732 года тот заведовал императорскими конюшными заводами. А, поскольку Бирон был большим охотником до лошадей, вся служба Волинского была под его влиятельным надзором. И за эти годы Артемий Петрович не ударил в грязь лицом и своим рвением и стараниями заслужил преданность фаворита.

После польского похода Волинский был пожалован в обер-егермейстеры. И, поскольку Анна Иоанновна и фаворит испытывали большую страсть к охоте, то Волинский в угоду им превратил царское развлечение в целое придворное ведомство.

Выдвигая Волинского на должность кабинет-министра, Бирон, как всегда, рассчитывал в лице нового кандидата приобрести опору против Остермана. И Волинский в первый же год нахождения в новой должности не обманул его ожиданий. С его появлением сложившаяся практика работы Кабинета стала меняться. Волинский перетянул на свою сторону князя Черкасского и скоро стал играть главную роль на заседаниях Кабинета министров и в отношениях с государыней. В 1739 году он стал единственным докладчиком у императрицы по делам кабинета, вырвав эту привилегию у Остермана.

После доклада Волинского к государыне были допущены остальные просители. Обмакивая перо в чернильницу, Анна Иоанновна старательно ставила подпись на поднесённых ей бумагах, даже не вчитываясь в содержание. Времена, когда она опасалась обмана и изучала досконально каждый документ, прежде, чем поставить на нём подпись, давно миновали. Тревоги унялись. Душа успокоилась. За девять лет правления она уверилась в преданности своих неизменных советчиков. Теперь она свою обязанность сводила лишь к тому, чтоб отследить, чтобы на просительном документе стояла виза Бирона или Остермана о согласовании данного вопроса с их персоной. И, если таковая была, то императрица смело ставила свой вензель. А, если виза отсутствовала, то просительная бумага решительно отметалась ею и отправлялась к Бирону на рассмотрение.

Быстро окончив дела, императрица велела закладывать карету, чтобы ехать в манеж. Обычно, к этой минуте карета уже ждала её у парадного подъезда, оттого, что ежедневный распорядок дня государыни был всегда одинаков.

– И скажите Анне Леопольдовне, что она едет со мною, – велела она, поднимаясь.

После той оказии, что случилась у принцессы с саксонским посланником Линаром три года назад, государыня с племянницы глаз не спускала. Принцесса жила теперь в стенах дворца под неусыпной охраной: ни один её шаг за пределы комнаты, ни один визит к ней или же её к кому-то, не совершались без разрешения тётушки. Удаляясь из дворца, Анна Иоанновна всюду брала племянницу с собой, чтобы та неустанно была у неё на виду.

Так что теперешнее положение Анны Леопольдовны при дворе вполне справедливо можно было расценить, как тюремное.

Впрочем, она не сетовала и не бунтовала против такого произвола. Тяжело переболев разлукой с Морицем, принцесса совершенно замкнулась в себе. Полное безразличие стало её постоянной маской; иногда его сменяло раздражение. Анна совсем перестала улыбаться. На ассамблеях и куртагах сидела в полном молчании с опущенным лицом, без движения, напоминая ледяную статую.

Она утратила интерес к развлечениям и даже редко выходила на прогулки. Её перестали волновать наряды и драгоценности. И, если не было нужды выхода в свет, Анна по несколько дней подряд пребывала в покоях, не вылезая из постели, не одеваясь и не причёсываясь. При этом не пускала к себе ни камеристок, на даже фрейлин. И не желала ни с кем разговаривать.

По-прежнему, единственной подругой при ней оставалась фрейлина Менгден. С большим трудом Юлии удалось вернуть себе расположение принцессы после страшной размолвки. Целый год Анна дулась на неё и гнала от себя прочь. Но Юлия с небывалым терпением и покорностью сносила все скверные выходки принцессы и не оставляла её одну.

Сперва Анна, стиснув зубы, нехотя терпела присутствие Юлии, гневалась и срывалась на неё по каждому пустяку, вымещая обиду за предательство. Но со временем боль поутихла. И между подругами мало-помалу стало постепенно возрождаться прежнее доверие. Пока, наконец, не произошло полное примирение.

Помирившись с Юлией, Анна призналась ей, что после пережитого душевного потрясения она до ужаса боится оставаться одна в покоях, особенно ночью. И с тех пор Юлия почти не удалялась в отведённые ей комнаты, так как Анна разрешала ей завтракать и обедать вместе с нею, а также ночевать в своих апартаментах; одним словом, быть неотлучно рядом.

Все эти особенности поведения принцессы, разумеется, бурно обсуждались в дворцовых кулуарах. Придворные за глаза считали Анну Леопольдовну чудаковатой. Были даже такие, кто старался приписать тесным дружеским отношениям принцессы с фрейлиной некий неприличный подтекст. А царевна Елизавета Петровна в своём кругу называла Юлию Менгден «Жулькой», намекая на то, что она, по сути, исполняет роль комнатной собачки при принцессе. И это меткое прозвище быстро распространилось при дворе и накрепко прилипло к фрейлине.

Принц Антон-Ульрих по-прежнему жил при русском императорском дворе. Два года назад он принял участие вместе с войсками Миниха в штурме Очакова. И заслужил похвалу фельдмаршала. Миних отписал императрице, что принц вёл себя храбро и мудро. И в дальнейшем из него может выйти хороший генерал.

В действительности, Миних, как всегда, желая доставить удовольствие государыне, украсил ситуацию. Антон-Ульрих изъявлял большое желание участвовать в сражениях, но особых военных талантов при этом не демонстрировал. И Миних так и не понял, что представляет собой этот юноша; за глаза он называл его «ни рыба, ни мясо». В походе же он надоел до горечи фельдмаршалу, досаждая расспросами о том, какого покроя и цвета перчатки лучше всего подошли бы к форме гвардейцев его полка. Его кирасирский полк так и не удостоился участия в военных сражениях в Турции. А сам принц всё это время состоял при Минихе волонтёром, так как фельдмаршал счёл такое положение наиболее удобным во избежание неприятностей.

Возвратившись из похода, тем не менее, принц получил тёплый приём и поздравления из уст самой императрицы. Анна Иоанновна даже прилюдно поцеловала его в обе щеки.

Но принцесса Анна осталась равнодушна к подвигам, приписываемым жениху. Она провела пару вечеров с Антоном-Ульрихом за карточным столом, перебросившись несколькими незначительными фразами. А всё остальное время скрывалась от него в покоях, сказавшись больной.

Вскоре принц отбыл вновь в расположение армии и вышел в поход на взятие Перекопа. Но поход этот закончился поражением. И Антону-Ульриху так и не довелось совершить героических подвигов, чтобы поднять авторитет в глазах неприступной русской принцессы.

В начале года, возвратившись из неудачного похода, принц вернулся к прежней жизни, а именно: днями муштровал солдат своего кирасирского полка, а вечерами коротал время за карточными играми при дворе в обществе императрицы, и изредка – Анны Леопольдовны.

Императорский манеж

В манеже государыню с племянницей поджидал Бирон.

К 1739 году фаворит, пользуясь доверием императрицы, приобрёл безграничную власть при дворе; ни одно дело не вершилось без его осведомлённости, ни один проект не подписывался без его письменной резолюции. Как когда-то прежде он полноправно распоряжался делами Курляндского поместья, пользуясь доверием бедной вдовы Анны Иоанновны, так и нынче за её спиной он незаметно стал полным распорядителем дел всего Российского государства.

Два года назад скончался герцог Фердинанд – последний представитель из рода Кетлеров, претендовавший на Курляндию. И, хлопотами Российской империи при поддержке польско-саксонского короля Августа бывший курляндский дворянин Бюрен был избран в правители герцогства и стал именоваться «божией милостью Эрнст-Иоганн герцог Курляндский». В связи с этим он сменил свою безродную фамилию Бюрен и стал писаться *фон Бирон*, намекая на родство с древним французским родом (несмотря на то, что представители настоящего рода Биронов категорично опровергали его принадлежность к их династии).

Супруга его Бенигна – теперь носила статус кавалерственной дамы при дворе императрицы. Пятнадцатилетний старший сын Пётр – ротмистр кирасирского полка, теперь наследный принц Курляндский. Дочь Ядвига в двенадцать лет – наследная принцесса Курляндии со своим особым придворным штатом. Младший сын Карл с четырёх лет от роду зачислен в бомбардир-капитаны Преображенского полка.

Титул герцога Курляндского, конечно, был неплохим шагом в карьере. Но Бирону, сидящему буквально за спинкою Российского трона, этот титул, что ещё года три назад был пределом мечтаний, теперь же казался жалким по сравнению с теми уникальными возможностями, что разворачивались перед его взором. И только стоило пошевелить мозгами, проявить смекалку и хитрость, и – загребай жар двумя руками! И он озарился одной умопомрачительной идеей...

Зная, что Анна Леопольдовна испытывает неприязнь к Антону-Ульриху, Бирон решил сделать «ход конём» и сосватать царевне своего старшего сына Петра чтобы, таким образом, закрепить род Биронов на Российском престоле. А что? Если принцесса Анна родит сына, то он, Бюрен, станет дедом императора Российского. А на время малолетства государя, возможно, и его регентом!... Подумал, и аж дух захватило!

Чтобы приблизить осуществление задуманного, он стал подговаривать фрейлин в присутствии Анны Леопольдовны расхваливать Петрушу, красноречиво расписывать все его достоинства, дабы пробудить в принцессе благородные чувства к будущему жениху.

Но старания эти оказались напрасны. В действительности, Пётр Бирон не внушал никому благородных чувств; он рос избалованным и злым мальчишкой. И принцесса, как никто другой, видела и знала его дурные стороны. Поэтому она, молча, пропускала мимо ушей все хвалебные оды в его адрес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.